

Махно Лев Львович

кандидат исторических наук, доцент
Тулского государственного университета

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФЫ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ
О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СИСТЕМЫ
ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация:

В статье рассматривается дискуссионная в отечественной историографии рубежа XIX–XX столетий проблема, касающаяся времени возникновения на Руси системы духовного образования. Анализируя и сопоставляя точки зрения отечественных историографов, автор выявляет причины, способствовавшие возникновению духовных образовательных учреждений, и пытается установить время их возникновения.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, церковно-государственные отношения, духовное образование и воспитание, отечественная историография.

Makhno Lev Lvovich

PhD in History, Assistant Professor,
Tula State University

**RUSSIAN HISTORIOGRAPHERS OF
THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY
ABOUT THE ORIGIN TIME OF
THE SPIRITUAL EDUCATION
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

Summary:

The article deals with the debatable in the national historiography of the turn of the XX century problem concerning the origin time of the spiritual education in Russia. Analyzing and comparing opinions of the Russian historiographers, the author discusses the prerequisites of the emergence of religious educational institutions, and tries to determine the time of their origin.

Keywords:

Russian Orthodox Church, church-state relations, religious education and upbringing, Russian historiography.

Одним из самых дискуссионных вопросов в отечественной историографии является вопрос о времени возникновения на Руси системы духовного образования и о влиянии на этот процесс объективных и субъективных факторов, которые в рассматриваемый исторический период имели место в общественно-политической и религиозно-культурной жизни Российского государства. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время ведется разработка образовательной концепции Русской православной церкви, согласно которой духовное образование должно быть многоступенчатым и непрерывным, задействуя при этом не только церковные образовательные учреждения разного уровня, но и светские учреждения образования и воспитания.

Цель статьи – проанализировать труды отечественных историографов конца XIX – начала XX столетия и установить факторы, способствовавшие развитию духовного образования, и время создания системы духовных образовательных учреждений.

В когорте московских историков Церкви серьезное внимание истории духовного образования уделял профессор Московской духовной академии (МДА) И.Н. Корсунский. Вопрос о времени возникновения духовной школы в России им не исследовался, но он занимался начальной историей московских церковно-учебных заведений, рассматривая ее на примере политики столичных и провинциальных церковных иерархов, проводимой в отношении православных учебных заведений. Отмечая внимание святителя Филарета к духовному просвещению, он в то же время писал о скептическом отношении московского архиерея к женскому обучению, который отдавал приоритет семейному обучению для девушек и женщин [1, с. 435]. Вместе с тем владыка способствовал открытию Филаретовского женского училища. Особое внимание Филарет, по мнению И.Н. Корсунского, уделял Московской духовной академии: «Руководство и наблюдение его касалось, можно сказать, всех сторон жизни академической, и зоркость его в отношении к Академии была поистине изумительна» [2, с. 1027]. Такое суждение историк выносит на основе документов архива академического правления и конференции. Преемник Филарета на московской кафедре запомнился И.Н. Корсунскому как архипастырь, внесший серьезный вклад в развитие высшего образования в России: с благословения святителя Иннокентия в МДА была открыта кафедра естественно-научной апологетики [3, с. 299]. Можно предположить, что для И.Н. Корсунского начало духовной школы связывалось с деятельностью не просто архипастырей «синодального» периода, но иерархов XIX в.

Среди работ московских историков следует указать и учебное пособие «История христианской православной церкви» протоиерея Петра Смирнова, претерпевшее тридцать одно пере-

издание. Автор уделил духовной школе небольшой раздел, помещенный в конце работы. Отметим, что с появлением христианской веры на Руси стало развиваться духовное просвещение, историк-клирик привел несколько фактов, относящихся к продолжительному периоду: X–XVII вв. Подъем духовной школы он связывал с созданием «синодальной» системы: «Со времени учреждения Святейшего Синода стало быстро развиваться школьное дело, и духовное образование получает сословный характер. Школы возникают специально для детей духовенства и имеют целью приготовление учащихся к духовному званию» [4, с. 250]. Этим трудом протоиерей П. Смирнов не способствовал развитию историографии духовного просвещения, так как не ввел в научный оборот никаких новых источников и не предложил новых концепций. Но его приверженность идее, что духовная школа возникает как следствие учреждения Священного синода, была сформирована имперским патерналистским государством и являлась устойчивой тенденцией в церковной истории дореволюционного периода.

Как и представители других школ, московские историки, близкие к Церкви, подходили к рассмотрению начального периода в становлении духовного образования под влиянием Духовного регламента Петра I. Весьма серьезно исследовал эту проблему преподаватель Московской духовной академии Н.И. Кедров. В работе «Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого» (1886 г.) он отмечал сугубо утилитаристский характер социальной политики Петра Великого, в том числе и в сфере духовного образования. Основной тезис Н.И. Кедрова заключался в следующем: государство должно заниматься духовным просвещением духовного сословия для того, чтобы попы обучали население, которое должно служить имперскому государству [5, с. 175–214].

Наибольшее внимание исследованию духовного просвещения в разные периоды церковной истории уделил казанский историк П.В. Знаменский. Среди работ, в которых этот вопрос рассматривается, обстоятельного исследования заслуживает сочинение «Духовные школы в России до реформы 1808 года» (1881 г.) [6, с. 806]. Структура этого труда объемом в восемьсот шесть страниц включает три главы. Первая глава – начальное заведение духовных школ при Петре I, вторая – состояние духовных школ при преемниках Петра, а третья – состояние духовных школ с восшествия на престол Екатерины II. Но важен первый период – петровский, ведь именно от него историк начинает вести историю духовной школы в России. Несколько раньше на страницах своего «Руководства к русской церковной истории» П.В. Знаменский одним из первых предложил не расценивать историю духовного просвещения исключительно как прошлое духовной школы, а рассматривать это явление более широко, что впоследствии и было перенято А.П. Доброклонским. Однако нас интересует рассмотрение профессором Казанской академии развития именно духовной школы как самостоятельного социокультурного явления.

П.В. Знаменский впервые подходит к этой теме при характеристике состояния христианского просвещения в удельный период до усиления Северо-Восточной Руси. Он упоминает о приходских школах: «Начало этих приходских школ видим еще при Владимире» [7, с. 532]. В дальнейшем он не раскрывает тему религиозного образования, а предлагает только историю книжности. Но в данном случае историк рассматривает книги как образовательный ресурс. Именно нехватка научной литературы не позволяла развивать школы. Он подводит историческую основу под обоснование приглашения юго-западной богословской школы в Москву: «Обратиться за научной помощью к западу при тогдашней боязни за православие нечего было и думать. Поэтому оставался один исход из затруднения, – прибегнуть к помощи юго-западных школ, хотя и они казались очень подозрительными по своему православию» [8, с. 246].

Можно предположить, что П.В. Знаменский также первым предложил рассматривать позитивное просветительское влияние Киевской митрополии в середине XVII в. на состояние духовного просвещения в Московской митрополии. Характеризуя многочисленные братские школы Юго-Западной Руси, П.В. Знаменский замечал, что «...образование их тем не менее стояло высоко и было очень полезно для своего времени» [9, с. 180]. Уделив внимание истории образовательного проекта митрополита Петра Могилы, он делает вывод, позже также заимствованный А.П. Доброклонским: «Киевская коллегия, получившая название Могилынской, неуклонно продолжала развиваться в указанном ей направлении и сделалась потом рассадником образования для всей России» [10, с. 183]. Однако историк признает правильность ограничения этого влияния в Москве как влияния латинского. Ведущие позиции, по мнению казанского ученого, Киевская академия сохранит и в XVIII в., превосходя московскую не только содержательно, но и организационно.

Центральное место П.В. Знаменский отводит истории создания духовных школ при Петре Великом, организованное начало которым было положено Духовным регламентом. Этот документ имел большое значение для своего времени, но ученый подвергает его критике: «...Несмотря на совершенно ясно высказанную мысль о назначении духовных школ в пользу соб-

ственно церковной службы, сам же Регламент постоянно сбивается в своих правилах относительно их практической пользы на другую противоположную точку зрения и выражает ясное намерение правительства привлечь духовных воспитанников и на разные роды светской службы» [11, с. 72]. Однако этот недостаток не умаляет общего значения «синодального» периода применительно к духовному просвещению.

Для казанского историка было очевидно, что распространение духовного образования пошло более успешно со времени учреждения Синода, и во многом благодаря принуждению со стороны государства [12, с. 52]. Характеризуя развитие епархиальных учебных заведений в послепетровский период, Знаменский пишет: «В царствование Екатерины и Петра II, во время усилившейся реакции, попечение правительства о заведении этих школ ослабело; распространение духовного образования поддерживалось только благодаря просветительскому влиянию отдельных архиереев» [13, с. 354]. И эта мысль дословно также была позже заимствована А.П. Доброклонским. В конце XVIII в. традиция обучения у церковных причтов начала угасать, что вызвало критику со стороны П.В. Знаменского, противника казенных школ, создаваемых под влиянием европейского просвещения [14, с. 406–407].

Для казанского профессора было совершенно очевидным, что в XVIII в. усилий власти к принуждению духовенства учиться грамоте и наукам было недостаточно. В работе «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I» (1880 г.) он писал: «Старания об образовании духовенства начались задолго до Екатерины и составляли, можно сказать, постоянную и неизменную заботу духовной и светской власти. Особенно настойчиво стало заявляться требование школьного образования от кандидатов на священно- и церковнослужительские места со времени Петра Великого» [15, с. 89].

Разобрав источники, историк рисует безрадостную картину, когда при восшествии Екатерины на престол и в первые годы ее царствования духовенство, особенно низшее, было очень мало знакомо не только с высшими, но и вообще с науками, даже самыми необходимыми для священника [16]. Основываясь на многочисленных документах, Знаменский скептически отзываясь и о преобразовательной деятельности Екатерины II в вопросе поддержки духовных школ, многие из которых влачили жалкое существование. Спасением для духовной школы, по мнению казанского профессора, стало внимание к ее проблемам выдающихся церковных иерархов того времени, например митрополита Платона (Левшина).

Положительную оценку историка получила инициатива императора Александра I в деле духовного просвещения, заключающаяся в приглашении всего православного духовенства России участвовать в создании приходских школ. «К 1808 г., ко времени общей духовно-учебной реформы, – отмечал П.В. Знаменский, – в редкой епархии не было 2–3 низших духовных училищ, кроме семинарии, а всех считалось до 115» [17, с. 519].

Основное внимание историк обращает на реформу духовной школы 1808 г., в соответствии с которой все образовательные учреждения были разделены на высшие, средние, низшие. По мнению П.В. Знаменского, изменилось многое, что привело к постоянному увеличению числа учеников, улучшению качества образования. Важным событием историк считает преобразование академий, в том числе и Казанской. Этому вопросу он посвящает отдельное сочинение [18, с. 380].

Свой научный выбор П.В. Знаменский объясняет не столько необходимостью сделать исследование недолгой истории родной alma mater, сколько тем обстоятельством, что «жизнь наших дореформенных академий до сих пор еще очень мало известна и еще менее исторически осмыслена...» [19, с. VI]. Возможно, предмет исследования не слишком удачен, так как, по признанию П.В. Знаменского, другие академии знали лучшие времена, но Казанская академия такого времени почти вовсе не знала.

Как профессиональный историк, П.В. Знаменский не может обойтись без периодизации, основанной на изменении академических уставов. Он делит историю молодой академии на три периода: «1) при действии старого академического устава 1814 г. до преобразования ее в 1870 г., 2) после преобразования при действии устава 1869 г. до 1884 г. и 3) текущий период при действии настоящего устава» [20, с. V].

Началом истории Казанской академии он считает письмо обер-прокурора Н.А. Протасова казанскому архиерею Владимиру об устройстве академии, необходимой для поддержания связи с удаленными семинариями [21].

Знаменский не склонен идеализировать историю Казанской академии, как и не склонен приукрашивать жизнь всех духовных академий в период 1840–1870-х гг. Он пишет, что Казанская академия «...вошла в семью высших духовных учебных заведений какой-то нежеланной в то время гостьей», потому что некоторые церковные иерархи были против открытия вуза в Казанской епархии, что «...не могло не отозваться на ее судьбе некоторой ее заброшенностью» [22, с. VII].

Таким образом, вопрос о генезисе и эволюции духовного просвещения в России в историографическом наследии П.В. Знаменского решался особо. Не отрицая существования зачатков духовного образования в период X–XVII вв., он все же считал, что начало процессу создания духовных школ положили петровские реформы. Иначе говоря, наиболее плодотворным в сфере духовного просвещения он признавал ранний «синодальный» период, при этом допуская его слабую критику. По нашему мнению, следует признать, что П.В. Знаменский внес наибольший вклад в изучение духовной школы, а его работы стали ориентиром для других представителей церковно-исторической науки.

Церковные историки «петербургской» школы также смотрели на процесс возникновения духовного просвещения через призму «синодального» периода. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937) полагал, что началом организованной духовной школы в России следует считать создание 28 июня 1808 г. Комиссии духовных училищ, преобразованной затем в Комитет 1808 г. Н.Н. Глубоковский, изучивший журналы заседаний Комитета, писал: «...По своему времени он сделал здесь грандиозный труд, которым во многом мы живем до настоящих дней» [23, с. 85]. Отмечает он значение реформ в сфере духовного образования и при написании биографии преосвященного Смарагда (Крыжановского), архиепископа Рязанского, ставшей своеобразной энциклопедией по Русской церковной истории XIX в. [24, с. 85].

Свою деятельность будущий владыка начал инспектором в Санкт-Петербургской духовной академии, в 1821 г. был переведен инспектором и бакалавром богословских наук в Киевскую академию. Описывая первые шаги на педагогическом поприще, Н.Н. Глубоковский старается быть объективным, отмечая не только сложный характер молодого иеромонаха Смарагда, но и его серьезную заботу о развитии духовного образования в Малороссии [25, с. 20–21]. Ученый тщательно разбирает все действия Смарагда, его конфликты, неудачи и успехи. Историк подробно показывает, что деятельный монах не смог сделать быстрой карьеры в сфере духовного просвещения, но в 1828 г. все же получил место ректора Киевской академии, став «ревностным ректором». После перемещения Смарагда на ректорство в столичную Академию, Киевская академия сохраняла о нем добрую память и «пересылала ему в Санкт-Петербург на рецензию некоторые сочинения своих воспитанников» [26, с. 25].

Исследуя дальнейший архиерейский путь преосвященного Смарагда, Глубоковский не забывает характеризовать его инициативы в сфере духовного просвещения, которые всегда были сопряжены с трудностями. В частности, историк приписывает владыке очень важное дело возрождения духовного образования в виде училищ и семинарии в непростой Полоцко-Виленской епархии: «Само духовенство не всегда внимательно заботилось о содержании и воспитании своих детей, так что Смарагду приходилось самому принимать решительные меры и привлекать питомцев» [27, с. 116–117].

Таким образом, созданная Н.Н. Глубоковским полная биография преосвященного Смарагда (Крыжановского) подтверждала исходный тезис о первых десятилетиях XIX в. как времени начала духовного образования в России. И в то же время система, созданная Синодом в начале XIX в., не удовлетворяла Н.Н. Глубоковского в первые десятилетия XX в., мечтавшего о кардинальной перестройке средней и высшей духовной школы.

По мнению С.Г. Рункевича, отсутствие качественного духовного образования было причиной низкого интеллектуального уровня клириков, стоявших на одном уровне с непросвещенной паствой в допетровский период и в начале правления Петра I. Историк объяснял губительные последствия слабого развития духовной школы следующим образом: «И пастыри, и паства учились в одних школах, бывших при церкви, где единственным учителем и распорядителем был дьячек, все образование которого заключалось в уменье грамоте» [28, с. 6].

С.Г. Рункевич указывал на известные заботы Петра по части принудительного насаждения образования в России, которые отразились и на духовном образовании. Он отмечал обязательный характер создания первых духовных школ: «В 1708 году, указом 15 января, велено поповым и диаконовым детям учиться в греческих и латинских школах, а которые учиться в тех школах не захотят, тех в попы и диаконы на места отцов и никуда не посвящать, не принимать даже в подьячие и вообще никуда ни в какие чины, кроме военной службы» [29, с. 47–48]. И в этой принудительной организации духовного просвещения ученый видел несомненную пользу для Церкви.

Другой известный представитель «петербургской» школы, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Борис Васильевич Титлинов (1879–?), посвятил несколько работ изучению прошлого духовной школы в России [30]. В первом сочинении «Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви» он также обращается к «синодальному» периоду, правлению просвещенных иностранцев, наивно веривших в благотворное действие ученого священника на паству. Б.В. Титлинов дает высокую оценку этому периоду:

«...Своими заботами о просвещении духовенства аннинское правление стяжало себе почетное положение среди царствований XVIII в.» [31, с. 149].

Исследование духовного образования он начинает с петровского правления, заложившего основные принципы государственной политики в сфере просвещения православных пастырей. К ним относились: обязательность школьного обучения для детей духовенства, если они хотят остаться в своем сословии, обязательность определенного образовательного ценза для служителей церкви [32, с. 374].

Однако петровское царствование, по мнению историка, не в состоянии было осуществить свой идеальный проект в этом направлении по причине отсутствия «духовных средств», т. е. учителей. В отличие от других историков Церкви, Б.В. Титлинов говорит о слабых итогах эпохи Петра применительно к организации духовной школы, отмечает, что духовно-учебное дело в России к 30-м гг. XVIII в. отличалось крайней неустойчивостью: «Большинство епархиальных училищ еле владели свое существование» [33, с. 377].

Заслугу Анны Иоанновны Б.В. Титлинов видит в том, что она, не изменив петровским принципам в деле духовного просвещения, начинает восстанавливать архиерейские школы. Профессор Санкт-Петербургской академии отмечал как сдерживающий фактор нежелание белого духовенства получать начальное и среднее образование, что заставляло государство использовать более широкий арсенал средств принуждения к учению. Не менее важной представлялась автору и организующая роль Синода: «...Побуждаемый просветительскою ревностью правительства, Синод усиленно настаивал на обязательности школьного обучения для духовного сословия» [34, с. 381].

Позже Б.В. Титлинов затронет проблему становления духовного образования в 30–40-е гг. XVIII в. уже при написании краткой биографии Гавриила (Петрова), митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, который волей своего родителя был отдан в 1740 г. на учение в Московскую академию. Это обстоятельство историк воспринимает как вполне естественный шаг приходского священника: московские священники прямо обязывались отдавать своих детей в академию под угрозой штрафа [35, с. 1330]. Ученый не соглашается с критикой современников в адрес Славяно-греко-латинской академии: «Как ни несовершенна была схоластическая школа, она учила своих питомцев настолько хорошо, что из них выходили замечательные деятели на всех поприщах. Платонов, Гавриилов и подобных не было бы, если бы в московском святилище науки тогда решительно нечему было бы научиться» [36, с. 1333].

Главный успех правления Анны Иоанновны Б.В. Титлинов усматривает не только в создании регламентских семинарий с восьмилетним обучением, но и в утверждении целой стройной системы духовного просвещения [37, с. 388]. При этом историк обращает внимание на сложную судьбу семинарского обучения, которое складывалось постепенно. Вслед за Рункевичем он критикует желание правительства использовать выпускников духовной школы во всех сферах государственного управления, отрывая их тем самым от духовного служения. При этом Б.В. Титлинов идет дальше, указывая на серьезные противоречия между идеальными проектами аннинского правления и практикой их воплощения, когда правительство не оказывало реальной помощи духовному образованию, поскольку перекладывало всю тяжесть задачи поднятия духовного образования на плечи епархиальных архиереев, к которым историк относится с симпатией [38, с. 414]. Б.В. Титлинов признает, что в 30-е гг. XVIII в. оформился новый нормальный тип духовно-учебного заведения, духовная школа сделала шаг вперед, но при этом «...вся созидательная работа совершалась снизу, а не сверху» [39, с. 417].

На основании проведенного анализа темы духовного просвещения в трудах отечественных светских и церковных историков конца XIX – начала XX в. сформулируем следующие выводы:

– Существенный вклад в изучение темы становления в России духовного просвещения внесли представители ведущих церковно-исторических школ: московской, петербургской, казанской и киевской; провинциальные православные историки изучением этого явления занимались фрагментарно, их интерес носил локальный характер.

– Восприятие темы духовного просвещения представителями исторической и церковно-исторической науки не было однозначным. Анализ сочинений русских историков конца XIX – начала XX в. показал существование активной дискуссии, развивавшейся в двух направлениях: а) вопрос о времени возникновения духовного просвещения в России, б) влияние «синодальной» системы на духовное просвещение в России. По первому вопросу историки разделились на сторонников допетровского и послепетровского духовного образования; аргументация представителей второго направления благодаря имеющейся широкой источниковой базе была более убедительной. По второму вопросу достаточно аргументированно высказались И.Н. Корсунский, П.В. Знаменский и Б.В. Титлинов, которые считали, что в «синодальный» период было много сделано для развития духовного образования в Российской империи.

– Система церковного образования, которая включала в себя все образовательные ступени – начальную, среднюю и высшую – сложилась в период XVIII–XIX вв. Важно, что историки рассматриваемого периода не ограничивали развитие духовного просвещения историей духовной школы, поскольку их интересовал вопрос о востребованности образованности русским духовенством и о государственной политике принуждения к знаниям.

– Не только представители «киевской» школы, но и подавляющее большинство историографов едины во мнении, что центр отечественного церковного образования в 40–90-е гг. XVII в. и первые десятилетия XVIII в. находился в Киеве, отмечая при этом чрезмерное восприятие «киевской» школой «латинства». Этот факт во многом объясняется той геополитической и религиозной ситуацией, которая имела место в указанный исторический период на южных рубежах Российской империи. Однако сам факт критического подхода со стороны отечественных историографов к образовательной деятельности на ниве духовного просвещения, которую проводили представители «киевской» школы, подтверждает приверженность русских церковных историков идее господства Русской православной церкви на пространстве Российской империи.

Ссылки:

1. Корсунский И.Н. Святитель Филарет, митрополит Московский: Его жизнь и деятельность на Московской кафедре по его проповедям в связи с событиями и обстоятельствами того времени (1821–1867 гг.). Харьков, 1894.
2. Там же. С. 1027.
3. Корсунский И.Н. Иннокентий [Вениаминов], митр. Московский и Коломенский, в его отношении к Московской духовной академии: (К 100-летию со дня его рождения, 26 августа 1797–1897 гг.) // Богословский вестник. 1897. № 11.
4. Смирнов П., прот. История христианской православной церкви. Изд. 31-е. Петроград, 1916.
5. Кедров Н.И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886.
6. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.
7. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Изд. испр. и доп. Казань, 1886. С. 532.
8. Там же. С. 246.
9. Там же. С. 180.
10. Там же. С. 183.
11. Знаменский П.В. Духовные школы ... С. 72.
12. Там же. С. 52.
13. Знаменский П.В. Руководство ... С. 354.
14. Там же. С. 406–407.
15. Знаменский П.В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.
16. Там же. С. 89.
17. Знаменский П.В. Руководство ... С. 519.
18. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии. Казань, 1891.
19. Там же. С. VI.
20. Там же. С. V.
21. Там же.
22. Там же. С. VII.
23. Глубоковский Н.Н. Начало организованной духовной школы: (Комитет об усовершенствовании духовных училищ) // Богословский вестник. 1917. № 6–7.
24. Глубоковский Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский, ([ум.] 1863, XI, 11): его жизнь и деятельность. СПб., 1914. 558 с.
25. Там же. С. 20–21.
26. Там же. С. 25.
27. Там же. С. 116–117.
28. Рункевич С.Г. История русской церкви под управлением Святейшего синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительственного синода. 1721–1725 годы. СПб., 1900.
29. Там же. С. 47–48.
30. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. (Время Комиссии духовных училищ): К столетию духовно-учебной реформы 1808 г. Вильно, 1908 ; Вып. 2. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Вильно, 1909.
31. Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильно, 1905.
32. Там же. С. 374.
33. Там же. С. 377.
34. Там же. С. 381.
35. Титлинов Б.В. Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (род. 1730 г., ум. 1801 г.) в первые годы жизни и служения // Христианское чтение. 1914. № 11.
36. Там же. С. 1333.
37. Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны ... С. 388.
38. Там же. С. 414.
39. Там же. С. 417.

References:

Glubokovsky, NN 1917, 'Getting organized theological school (Committee on the improvement of religious schools)', *Bogoslovskiy vestnik*, no. 6-7, (in Russian).

Glubokovsky, NN 1914, *Eminence Smaragd (Kryzhanovskiy), Archbishop of Ryazan, ([d.] 1863, XI, 11): his life and work*, St. Petersburg, 558 p., (in Russian).

- Kedrov, NI 1886, *Spiritual regulations in connection with the transformative work of Peter the Great*, Moscow, (in Russian).
- Korsunskiy, IN 1894, *St. Filaret, Metropolitan of Moscow: the Moscow department of His life and work in his sermons in connection with the events and circumstances of the time (1821-1867)*, Kharkov, (in Russian).
- Korsunskiy, IN 1897, 'Innokentiy [Veniaminov], Met. Of Moscow and Kolomna, in his relation to the Moscow Theological Academy: (To the 100th anniversary of his birth on August 26, 1797-1897)', *Bogoslovskiy vestnik*, no. 11, (in Russian).
- Runkevich, SG 1900, *History of the Russian Church under the control of the Holy Synod*, vol. 1: Establishment and original device of the Holy Synod of the government. 1721-1725, St. Petersburg, (in Russian).
- Smirnov, P prot. 1916, *History of the Christian Orthodox Church*, Ed. 31th, Petrograd, (in Russian).
- Titlinov, BV 1905, *The government of Empress Anna Ivanovna in his relationship to the affairs of the Orthodox Church*, Vilna, (in Russian).
- Titlinov, BV 1908, *The spiritual school in Russia in the XIX century*, vol. 1 (religious schools Commission time): the centenary of the spiritual and educational reform in 1808, Vilna, (in Russian).
- Titlinov, BV 1909, *The spiritual school in Russia in the XIX century*, vol. 2 (Protasov era of reform and 60s), Vilna, (in Russian).
- Titlinov, BV 1914, 'Gabriel (Petrov), Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg (b. 1730, d. 1801) in the early years of life and ministry', *Khristianskoye chteniye*, no. 11, (in Russian).
- Znamenskiy, PV 1880, *The position of the clergy in the reign of Catherine II and Paul I*, Moscow, (in Russian).
- Znamenskiy, PV 1881, *Theological schools in Russia before the reform in 1808*, Kazan, (in Russian).
- Znamenskiy, PV 1886, *Guide to the Russian church history*, Kazan, 532 p., (in Russian).
- Znamenskiy, PV 1891, *History of the Kazan Theological Academy*, Kazan, (in Russian).